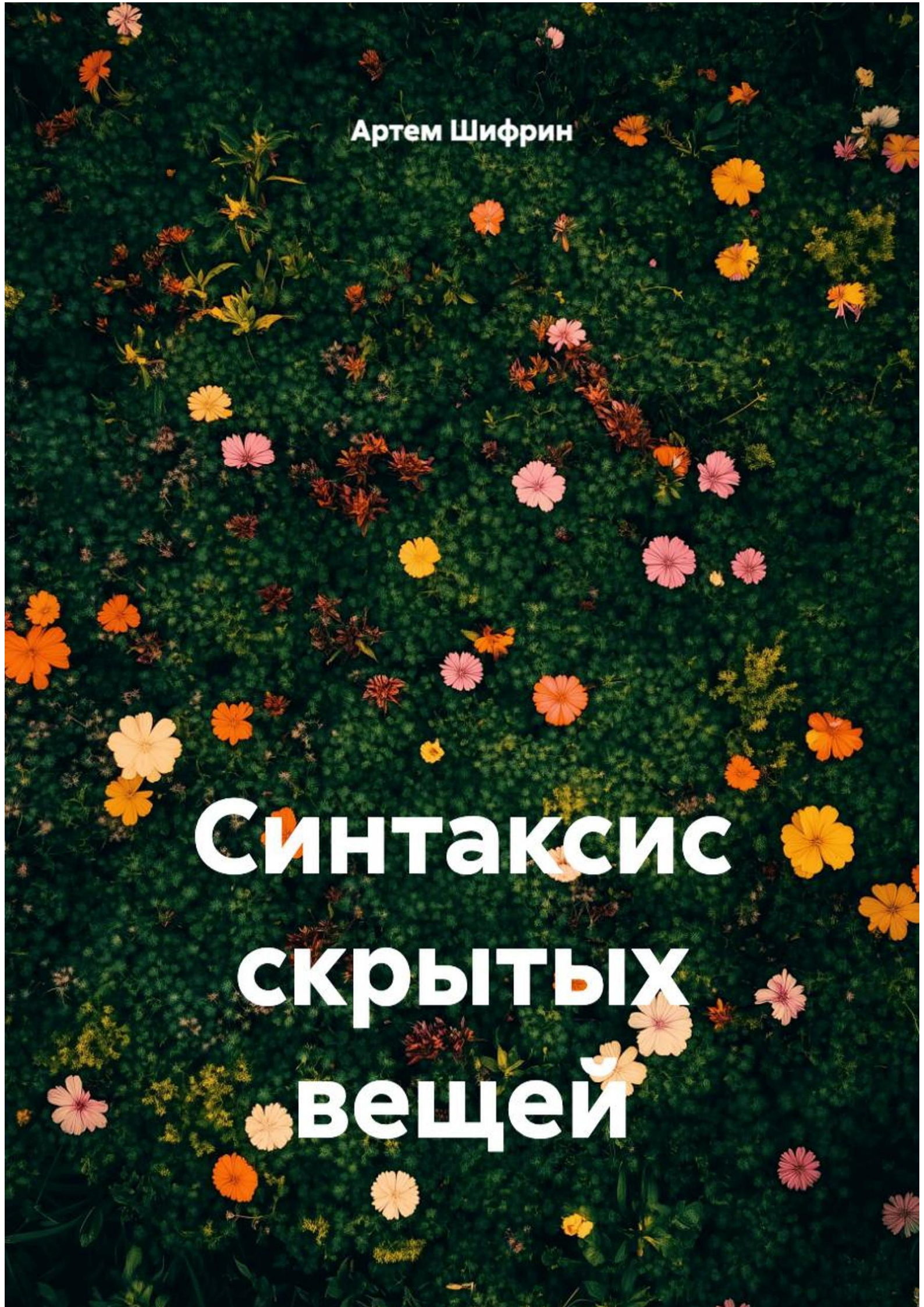

Артём Шифрин

Синтаксис скрытых вещей

Арте́м Шифри́н

Синтаксис скрытых вещей

«Автор»

2026

Шифрин А. Е.

Синтаксис скрытых вещей / А. Е. Шифрин — «Автор», 2026

Меня называли Синтаксисом по недоразумению. В тот день я прошёл по клавиатуре ноутбука и случайно превратил деловое письмо в нечто значительно более выразительное. Вместо фразы «согласуем условия поставки» на экране появилось: «согласуем условия поставкиii» В конце стояла точка. Её я поставил хвостом. Мой человек долго смотрел на результат, потом на меня и сказал: — У тебя своеобразное представление о синтаксисе. Так я получил имя. По моему, это было несправедливо. Синтаксис в письме как раз сохранился. Пострадала главным образом умеренность, а за неё отвечал вовсе не я. Впрочем, имя мне понравилось. Оно звучало достаточно солидно для котёнка, который весил меньше пакета гречки и однажды испугался собственного чиха. Кроме того, в нём слышалось обещание чего-то важного, хотя тогда я ещё не понимал чего именно. Я вообще многого не понимал. Например, почему люди так плохо видят вещи, находящиеся прямо перед ними, зато с удовольствием разглядывают то, чего нет.

© Шифрин А. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть первая. Охотник за тем, чего нет	6
Часть вторая. Чашка на краю	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Арте́м Шифри́н

Синтаксис скрытых вещей

Глава

Часть первая. Охотник за тем, чего нет

Меня называли Синтаксисом по недоразумению.

В тот день я прошёл по клавиатуре ноутбука и случайно превратил деловое письмо в нечто значительно более выразительное. Вместо фразы «согласуем условия поставки» на экране появилось:

[illegible]

В конце стояла точка. Её я поставил хвостом.

Мой человек долго смотрел на результат, потом на меня и сказал:

— У тебя своеобразное представление о синтаксисе.

Так я получил имя.

По-моему, это было несправедливо. Синтаксис в письме как раз сохранился. Пострадала главным образом умеренность, а за неё отвечал вовсе не я.

Впрочем, имя мне понравилось. Оно звучало достаточно солидно для котёнка, который весил меньше пакета гречки и однажды испугался собственного чиха. Кроме того, в нём слышалось обещание чего-то важного, хотя тогда я ещё не понимал чего именно.

Я вообще многого не понимал.

Например, почему люди так плохо видят вещи, находящиеся прямо перед ними, зато с удовольствием разглядывают то, чего нет.

Мой человек мог сорок минут искать очки, которые лежали у него на голове, а затем два часа рассуждать о том, что начальник «определённо что-то задумал». Очки существовали. Задум начальника — не факт. Но внимание распределялось почему-то наоборот.

С моей точки зрения, это было удивительно.

Впрочем, люди вообще устроены так, будто их собирали в спешке, а инструкцию положили в другую коробку.

Я же с самого детства интересовался тем, на что никто не обращал внимания.

Не мышами. Мыши были слишком очевидны.

Мне купили серую игрушку с розовыми ушами, набитую чем-то пахнущим аптекой и унижением. Её дёртали за верёвочку перед моим носом, ожидая проявления древнего охотничьего инстинкта.

Я смотрел на игрушку. Потом на руку, державшую верёвочку. Потом на тень руки, которая каждый раз начинала движение чуть раньше самой руки.

Вот тень была интересной.

Она знала.

Не всё, конечно. Я не приписываю теньям излишней образованности. Но она словно заранее чувствовала, куда двинется человек, ещё до того, как это решали плечо, локоть и пальцы.

Я пытался её поймать.

Игрушечная мышь лежала рядом и выглядела оскорблённой.

— Он какой-то странный, — сказала женщина, которая часто приходила к нам по вечерам.

Она приносила пироги, оставляла на стуле пальто и говорила моему человеку, что он слишком много работает. Он отвечал, что работает нормально. После этого они обычно спорили минут двадцать, хотя оба были согласны, что он работает слишком много.

— Он ещё маленький, — защищал меня человек.

— Он час смотрит на стену.

— Может, там что-то есть.

Женщина поворачивалась к стене.

Там ничего не было.

По крайней мере, ничего такого, что умело видеть её.

Я смотрел не на стену. Я смотрел на едва заметную дрожь обоев возле плинтуса. Она появлялась каждый вечер примерно за минуту до того, как в квартире сверху открывали воду. Сначала вздрагивала стена, потом тихо отзывалась труба, и только потом начинал шуметь кран.

Мне нравилось знать, что что-то вот-вот произойдёт.

Не само событие. Мгновение перед ним.

Тот короткий промежуток, когда мир уже решил, но ещё не объявил.

Я охотился именно на него.

На скрип половицы за секунду до шага.

На дрожание телефона до звонка.

На солнечный зайчик, который исчезал с потолка чуть раньше, чем облако закрывало солнце.

На пылинки, летевшие поперёк сквозняка, словно у них были собственные дела.

На дверцу шкафа, которая иногда открывалась ночью, хотя пол был ровный, петли исправны, а мой человек категорически не верил в привидений.

Последнее он повторял слишком часто для человека, который действительно не верит в привидений.

Я сидел возле шкафа и ждал.

Иногда дверца открывалась.

Иногда нет.

Однажды из щели выпал носок.

Он принадлежал человеку и считался потерянным уже несколько месяцев.

— Синтаксис нашёл носок! — обрадовалась женщина.

Я не стал уточнять, что носок нашёлся сам, а я лишь присутствовал при его возвращении в семью.

Люди любят героев. Особенно если герою можно не платить.

После носка я обнаружил серёжку под холодильником, ключ от почтового ящика внутри зимнего ботинка и старую монету за батареей. Монету человек долго рассматривал, потом положил в ящик и больше никогда не вспоминал.

Такова судьба большинства найденных сокровищ.

Моя репутация росла.

Не очень быстро, потому что одновременно я уронил цветочный горшок, разорвал пакет с мукой и однажды провёл ночь внутри дивана, откуда пришлось извлекать меня с помощью отвёртки, фонаря и слов, которые в приличном обществе обычно не произносят при котятках.

Но в целом баланс был положительным.

По крайней мере, мне так казалось.

Потом мне повесили на шею колокольчик.

Это было одно из тех человеческих решений, которые принимаются из лучших побуждений и поэтому особенно опасны.

— Теперь мы будем знать, где он, — сказала женщина.

Прежде всего колокольчик сообщал, где я, мне самому.

Каждый шаг сопровождался звоном. Каждая попытка подкрасться к шороху превращалась в торжественный выход оркестра. Даже когда я просто поворачивал голову, у меня возникало ощущение, что сейчас должны объявить начало второго отделения.

Самое неприятное заключалось в том, что за звоном я перестал слышать остальное.

Пропали тихие движения в стенах.

Исчезли паузы перед телефонными звонками.

Пылинки продолжали летать, но теперь делали это беззвучно и с явным превосходством.

Я терпел до вечера.

Потом забрался под ванну, зацепил колокольчик за трубу и оставил там.

Ночью труба начала звенеть.

Мой человек проснулся, долго ходил по квартире, проверял телефон, входную дверь и холодильник. Потом разбудил женщину.

— Ты слышишь?

— Что?

— Там что-то звенит.

— Это трубы.

— Трубы обычно не звенят колокольчиками.

— У тебя старый дом.

— Не настолько старый.

Они легли обратно.

Я сидел рядом и впервые понял, что значит чистая профессиональная радость.

Утром колокольчик нашли. Мне его больше не надевали.

Возможно, человек решил, что я слишком умён.

Возможно, просто не хотел ещё одну ночь обсуждать музыкальные способности сантехники.

Первое настоящее событие случилось осенью.

Я называю его настоящим не потому, что до этого всё было ненастоящим. Горшок с фикусом, например, падал вполне убедительно. Просто раньше мои охоты заканчивались мелочами: носком, серёжкой, монетой, лёгким семейным кризисом из-за рассыпанной муки.

Осенью в квартиру пришла сестра моего человека.

Они были похожи настолько, насколько могут быть похожи люди, которые много лет старались стать совершенно разными.

У обоих была одна и та же складка между бровями. Оба поджимали губы перед тем, как сказать что-нибудь неприятное. Оба считали другого упрямым, хотя слово «упрямый» вообще часто означает: «человек, который почему-то не подчинился моему здравому смыслу».

Они собирались разбирать вещи своего отца.

Я никогда его не видел. В квартире остались только несколько книг, старый письменный стол и запах табака, который иногда появлялся возле окна, хотя мой человек давно не курил.

Сестра принесла коробки.

— Это оставляем.

— Зачем?

— Память.

— Память не обязана занимать половину комнаты.

— Ты всегда всё выбрасываешь.

— Ты всегда всё хранишь.

Разговор развивался предсказуемо. Я устроился на шкафу и наблюдал.

Люди думают, что спор начинается с первой резкой фразы. Это неправда. Он начинается гораздо раньше — в том, как ставят чашку, как складывают руки, как слишком тщательно поправляют скатерть.

В тот день спор начался, когда сестра положила сумку на стул.

После этого оставалось только ждать слов.

Они перебирали бумаги.

Квитанции отправлялись в одну коробку. Фотографии — в другую. Письма мой человек почти не читал и складывал в пакет для мусора.

И тут я увидел конверт.

Он ничем не отличался от остальных. Серый, потёртый, с надорванным краем. На нём даже не было адреса.

Но лежал он неправильно.

Я не умею объяснять это лучше.

Некоторые вещи просто занимают не своё место. Не в пространстве — в происходящем. Будто слово поставили не в то предложение, и оно изо всех сил притворяется, что так и задумано.

Конверт оказался в мусорном пакете.

Я спрыгнул со шкафа.

— Не сейчас, Синтаксис, — сказал человек.

Я сунул голову в пакет.

— Убери его.

Сестра взяла меня под живот и поставила на пол.

Я снова полез в пакет.

— Он что-то почуял, — сказала она.

— Там старые бумаги.

— Может, мышь?

Это было оскорбительно, но не время выяснять отношения.

Я вцепился в край пакета и потянул.

Пакет опрокинулся. Квитанции, письма и несколько конвертов рассыпались по полу. Человек выругался. Сестра сказала, что именно поэтому она не хотела разбирать вещи у него дома.

Я нашёл серый конверт и прижал лапой.

— Отдай, — сказал человек.

Я не отдал.

Он потянул конверт на себя.

Я выпустил когти.

Конверт разорвался.

Наступила пауза.

Из него выпала фотография.

На ней мой человек и его сестра были детьми. Он сидел на земле в огромной панаме, она стояла рядом и держала над ним зонт. Оба смеялись. За ними виднелся сад, а в самом углу фотографии — мужчина с сигаретой, пойманный камерой в тот момент, когда собирался выйти из кадра.

На обороте была надпись.

Сестра подняла фотографию и прочитала:

— «Мои невозможные дети. Один всё теряет, другая всё хранит. Вместе, может быть, получатся нормальные люди».

Мой человек фыркнул.

Сестра тоже.

Потом они начали смеяться.

Сначала осторожно, будто не были уверены, имеют ли право. Потом громче.

— Панама была твоя, — сказала сестра.

— Не моя.

— Твоя. Ты не снимал её всё лето.

— Это ты таскала за мной зонт.

— Потому что ты обгорал за десять минут.

Они сели на пол среди бумаг и стали вспоминать.

Спор никуда не исчез. К концу вечера они всё равно не решили, что делать со столом и книгами. Но голос у них стал другим. В нём появилось место не только для обиды.

Меня накормили курицей.

Настоящей. Без витаминов, наполнителей и объяснений ветеринара.

Сестра гладила меня по голове и говорила:

— Он всё-таки что-то понимает.

Мой человек смотрел на фотографию.

— Случайность.

— Конечно.

— Он просто полез в пакет.

— Конечно.

— И порвал именно этот конверт.

— Бывает.

Они переглянулись.

Я ел курицу и делал вид, что не слушаю.

Именно тогда я совершил первую серьёзную ошибку.

Не с конвертом.

С конвертом всё вышло прекрасно.

Ошибка заключалась в том, что я решил: теперь понимаю, как устроен мой дар.

Мне показалось, что мир говорит со мной достаточно ясно. Нужно лишь замечать неправильные вещи и ставить их на место. Если предмет вызывает тревогу — тронь его. Если что-то лежит не там — передвинь. Если внутри возникает уверенность — действуй.

Я ещё не знал, что уверенность иногда бывает просто очень хорошо одетым нетерпением.

После истории с фотографией я начал вмешиваться чаще.

Я садился на телефон, если мне не нравилось, как человек смотрел на экран.

Прятал ручки перед подписанием документов.

Стаскивал шарф с вешалки, когда женщина собиралась уходить сердитой.

Однажды я утащил ключ от квартиры и спрятал его под холодильником.

Человек опоздал на работу.

Ничего полезного после этого не произошло.

Он просто опоздал на работу.

— В этот раз что ты спасал? — спросил он, лёжа на полу и доставая ключ линейкой.

Я не ответил.

У меня не было хорошей версии.

В другой раз я сбросил со стола письмо. Человек поднял его и всё равно отправил.

Я опрокинул коробку перед визитом гостя. Гость пришёл, помог собрать вещи и пробыл на двадцать минут дольше, чем собирался. Возможно, это имело значение. Возможно, он просто пропустил автобус.

Не каждое моё действие становилось началом великой истории.

Это немного задевало.

Я утешал себя тем, что настоящие связи не всегда видны сразу. Очень удобная мысль. Ею можно оправдать почти любую глупость, особенно если ты кот и не обязан составлять письменный отчёт.

Потом появилась чашка.

Белая, тяжёлая, с тонкой трещиной возле ручки.

Она стояла на самом краю стола.

Мой человек собирался уходить. На нём была рубашка, которую он надевал только в важные дни. Рядом лежали документы, телефон и ключи.

Всё выглядело обычно.

Слишком обычно.

Я сидел на подоконнике и чувствовал, как пространство между предметами натягивается, словно тонкая леска.

Чашка была не на месте.

Телефон лежал экраном вниз.

Часы спешили на три минуты.

За стеной перестала шуметь вода.

Мой человек взял документы.

В этот момент тень его руки двинулась к ключам чуть раньше пальцев.

Я посмотрел на чашку.

Она должна была упасть.

Это знание было таким ясным, что я даже не усомнился.

Теперь, спустя годы, я понимаю: именно в такие минуты сомневаться и следует.

Но тогда я был молод, накормлен курицей и однажды уже спас семейный разговор.

Сочетание, как выяснилось, крайне опасное.

Я спрыгнул с подоконника, подошёл к столу и поднял лапу.

Часть вторая. Чашка на краю

Я поднял лапу.

В этот момент человек посмотрел на меня.

Не на чашку. На меня.

Между нами возникла короткая пауза, в которой ещё можно было передумать. Я мог опустить лапу, зевнуть, умыться и навсегда остаться в его памяти обычным котом со склонностью к порче документов.

Вместо этого я толкнул чашку.

Она падала недолго, но выразительно.

Сначала ударилась о край стола, перевернулась в воздухе и только потом встретила с полом. Кофе разлетелся по рубашке, брюкам, документам и ковру. Сама чашка распалась на три крупных части и множество мелких, каждая из которых, по-моему, отдельно обвиняла меня в случившемся.

Человек замер.

Я тоже.

После того как совершаешь поступок, который казался необходимым, всегда наступает неприятная стадия ожидания чуда.

Я ждал.

Телефон должен был зазвонить.

За дверью мог появиться посыльный.

С потолка могла спуститься рука судьбы и выдать мне письменное подтверждение, что всё сделано правильно.

Ничего не произошло.

— Синтаксис, — сказал человек.

Он произнёс моё имя тихо. Это было хуже крика.

— Ты зачем это сделал?

Вопрос был поставлен некорректно. Он предполагал возможность ответа и готовность спрашивающего его услышать.

Я посмотрел на часы.

Они спешили уже на четыре минуты.

— Посмотри на меня.

Я посмотрел.

Кофе стекал с его рукава на пол.

— У меня через сорок минут встреча.

Я знал.

— Очень важная встреча.

Это тоже было очевидно. В неважные дни он не надевал эту рубашку и не ходил по квартире с лицом человека, который мысленно репетирует собственную будущую убедительность.

— Ты всё испортил.

Я посмотрел на телефон.

Экран оставался тёмным.

Человек снял рубашку, бросил её в раковину и побежал в спальню. Я пошёл следом.

— Не ходи за мной.

Я остановился в коридоре.

В комнате открывались шкафы, падали вешалки, шуршала одежда. Человек ругался с рубашками, пуговицами и, судя по интонации, со всей текстильной промышленностью.

Я подошёл к телефону.

Он всё ещё молчал.

Странное напряжение никуда не исчезло. Наоборот, теперь оно стало сильнее. Словно чашка была только первым словом в предложении, которое мир ещё не закончил.

Человек выбежал из комнаты в другой рубашке.

Она сидела хуже. Это было справедливо.

Он собрал документы. Верхние листы промокли, чернила расплылись, но основная папка уцелела.

— Ключи, — сказал он самому себе.

Я посмотрел на ключи.

И тут понял, что чашки было недостаточно.

Теперь это кажется очевидным признаком беды. Когда после одного сомнительного поступка возникает мысль, что нужно немедленно совершить второй, разумному существу следует остановиться.

Но разумные существа редко бывают котятками.

Я прыгнул на стол, схватил связку зубами и бросился в коридор.

— Даже не думай.

Я уже думал.

Человек кинулся за мной.

Я нырнул под стул, обогнул диван, проскользнул между его ногами и помчался на кухню. Ключи били меня по груди, звенели и мешали дышать, но отступить было поздно. Мне оставалось только превратить сомнительный замысел в принципиальную позицию.

— Синтаксис!

Я забежал под кровать.

В человеческом доме есть несколько мест, где кот чувствует себя почти божеством. Под кроватью — одно из них. Там человек лишается достоинства, обзора и способности двигаться с привычной уверенностью. Он становится большой, неповоротливой рукой, которая ощупывает темноту и произносит угрозы, не предусмотренные никаким уголовным кодексом.

Я выпустил ключи.

Они упали у самой стены.

Человек лёг на пол и заглянул под кровать.

Наши глаза встретились.

— Отдай.

Я сидел рядом с ключами.

— Сейчас же.

Я положил на них лапу.

Он закрыл глаза.

— Хорошо. Давай спокойно.

Это означало, что спокойно уже не будет.

— Иди сюда. Я не сержусь.

Ложь была настолько грубой, что даже пыль под кроватью слегка возмутилась.

Человек протянул руку.

Я отступил глубже.

Он принёс швабру.

Тут преимущество перешло к нему.

Через несколько минут ключи были извлечены, швабра сломана, а я оказался в ванной, куда меня временно закрыли «чтобы не натворил ещё чего-нибудь».

Человек ушёл.

Входная дверь хлопнула.

Я остался один.

Сначала мне было обидно.
Потом тревожно.
Потом снова обидно, потому что тревога не давала сосредоточиться на первой обиде.
В ванной было тихо. На кране висела капля. Она росла, дрожала и никак не решалась упасть.
Я смотрел на неё.
Снаружи не доносилось ни звука.
Телефон человек взял с собой. Часы остались на кухне. Напряжение исчезло вместе с ним, и я не мог понять, означало ли это, что всё закончилось, или что я упустил главное.
Капля сорвалась с крана.
Я вздрогнул.
Прошёл, вероятно, час.
Возможно, два.
Кошки чувствуют время прекрасно, пока им не становится скучно. После этого минуты приобретают свойства жевательной резинки.
Наконец открылась дверь квартиры.
Я услышал шаги.
Они были медленными.
Человек не сразу выпустил меня из ванной. Сначала прошёл на кухню, поставил что-то на стол, затем долго стоял возле окна.
Я мяукнул.
Без ответа.
Я мяукнул ещё раз, вложив в голос умеренное достоинство существа, которое не просит, а напоминает о незаконности заключения.
Дверь открылась.
Человек посмотрел на меня.
По его лицу невозможно было понять, состоялась встреча или нет.
— Выходи.
Я вышел.
На кухонном столе лежала папка. Рядом — телефон.
Чашки не было.
Осколки исчезли. Кофе вытерли. На ковре осталось только тёмное пятно, похожее на остров, который не нанесли на карту.
Человек сел.
Я подошёл ближе.
— Не надо.
Я остановился.
Он взял телефон и долго смотрел на экран.
— Ты знаешь, кто звонил?
Я не знал, но надеялся, что сейчас узнаю.
— Конечно, не знаешь.
Человек положил телефон на стол экраном вниз.
Так же, как утром.
Это мне не понравилось.
— Я опоздал на встречу.
Он говорил не мне. Скорее, комнате.
— На двадцать семь минут.
Я сел.
— Они не стали ждать.

В его голосе не было ярости. Только усталость, которая звучала тяжелее любого крика.
Я посмотрел на папку.

— Всё готовил. Три недели. Почти не спал.

Он провёл рукой по лицу.

— А потом один кот решил, что чашка стоит неправильно.

Теперь он смотрел на меня.

Я не отвёл глаз.

Мне хотелось объяснить про натяжение воздуха, про тень руки, которая двигалась раньше, про часы, про ощущение неверно построенного предложения.

Но даже если бы я умел говорить по-человечески, это прозвучало бы неубедительно.

Особенно на фоне пятна на ковре.

Телефон завибрировал.

Мы оба посмотрели на него.

На экране появилось имя.

Человек побледнел.

Я не успел его прочитать. Человеческие буквы я тогда знал хуже. Кроме того, экран лежал под неудобным углом, а спрашивать было неуместно.

Телефон звонил.

Человек не двигался.

— Нет, — сказал он.

Звонок оборвался.

Через секунду начался снова.

— Нет.

Телефон продолжал вибрировать.

Человек встал, прошёлся по комнате, вернулся и взял его.

— Да.

Он замолчал.

Я слушал.

Сначала ничего, кроме дыхания.

Потом человек сказал:

— Я помню тебя.

В комнате стало очень тихо.

Он отвернулся к окну.

— Нет. Я не забыл.

Я подошёл ближе.

Человек поднял руку, не глядя на меня.

— Уйди.

Я сел.

— Я сказал, уйди.

Я остался.

Разговор продолжался долго. Я слышал только отдельные слова:

— Когда?

— Почему сейчас?

— Нет, я не знал.

— Подожди.

— Дай подумать.

В какой-то момент человек сел прямо на пол.

Я подошёл и коснулся носом его колена.

Он вздрогнул, посмотрел на меня и отодвинулся.

Не сильно.
Но достаточно.
После разговора он долго сидел молча.
Я ждал, что он скажет: «Ты был прав».
Люди редко произносят эту фразу даже тогда, когда это очевидно. В данном случае очевидным не было ничего.
Телефонный звонок случился бы и без разбитой чашки.
Возможно, человек ответил бы на него по дороге.
Возможно, не ответил бы.
Возможно, опоздание на встречу было катастрофой.
Возможно, спасением.
Я не знал.
Это было первое настоящее столкновение с пределами моего дара.
Я видел, что предмет стоит неправильно.
Но не видел, почему.
Я чувствовал натяжение.
Но не знал, какую именно нить следовало отпустить.
Человек встал.
— Иди сюда.
Я подошёл.
Он взял меня на руки.
На секунду мне показалось, что всё закончилось. Я даже начал мурлыкать.
Он надел куртку.
Мурлыканье прекратилось.
Мы вышли из квартиры.
В подъезде пахло сыростью, пылью и чьей-то жареной рыбой. Я решил, что мы идём к врачу. Это было неприятно, но не трагично. Врачи хотя бы возвращают котов домой.
Мы спустились на первый этаж.
Человек открыл дверь.
На улице шёл дождь.
Он поставил меня на ступеньку.
Я не сразу понял.
— Прости, — сказал он.
Человеческое «прости» — опасное слово. Иногда после него обнимают. Иногда уходят.
По интонации разницу не всегда определишь.
Я шагнул обратно к двери.
Человек преградил дорогу ногой.
— Нет.
Я посмотрел на него.
— Я не могу.
Я мяукнул.
Он сжал губы.
— Я правда не могу сейчас.
Это было не объяснение. Люди часто подменяют объяснение сообщением о своём состоянии и надеются, что окружающим станет легче.
Мне не стало.
Я попытался обойти его с другой стороны.
Он взял меня, перенёс через низкую ограду и поставил под навес.
— Здесь сухо.

Я огляделся.

Под навесом лежал мокрый картон, стояло сломанное ведро и пахло существом, которое я предпочёл бы не встречать без предварительных переговоров.

— Я вернусь, — сказал человек.

Он сам не поверил.

Я тоже.

Он ушёл к подъезду.

Я побежал за ним.

Дверь закрылась перед моим носом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.